

Тадришо Селула

Демоны
Себеда

18+

Габриэль Сегула Демоны Севера

<https://litres.ru/74003696>

SelfPub; 2026

Аннотация

Его называли Драконом Севера. Его любили и за ним шли. Но поступок его отца все изменил.

Похитив кое-что ценное у могущественного лича, король развязал с ним войну. Довольно долгое время принцу во главе королевского войска удавалось сдерживать армию мертвецов, управляемую некромантами. Но король призвал сына в замок, чтобы отправить в опасные леса, на поиски орудия способного уничтожить лича.

Оставив любимую в замке, принц, с другом и парой верных воинов, отправился в путь. Где его ждет иная любовь, правда о нем и чего же именно жаждет король.

Чем окажется орудие, почему лич так хочет вернуть то, что у него забрали, и сможет ли принц вернуться из путешествия, концом которого должна стать его смерть?

Содержание

Пролог	4
Глава 2	12

Габриэль Сегула

Демоны Севера

Пролог

Остров Доркхадас

Эпоха Драконов

**Конец октября 1163 года после Великой войны де-
вяти королевств**

В долине грез, среди залитых лунным светом холмов, медленно погружался в сон окутанный покрывалом ночи замок. Гасли факелы, задувались свечи, и только в некоторых окнах продолжал гореть свет, не желая отдаваться в объятия сна, словно ожидая чьего-то возвращения.

Тишина, густая и бархатная, опустилась на башни и внутренние дворики, нарушаемая лишь шепотом осеннего ветра. Но покой этот был обманчив. В самой сердцевине тишины зрело напряженное ожидание, так похожее на затишье перед бурей. Древние камни, помнившие времена Драконов, хранили молчание, предвещающее перемены, которые вот-вот должны были сойти с небес или приползти из глубин забытых подземелий. А может, это бодрствующие души вслушались в гулкую тишину в надежде различить долгожданный

звук шагов или дальний зов рога, который еще не успел разорвать иллюзорный покой долины.

Среди деревьев под покровом ночи, подгоняемые туманом, мчались четыре всадника. Опавшие осенние листья слабо смягчали мощные удары копыт. Всадники с легкостью избегали спрятанных корней древесных стражей леса и цепких лап-ветвей, пытавшихся схватить и пленить их. Окрыленные тьмой, кони с легкостью перелетали через темные, едва заметные рвы и поваленные деревья, поджидавшие невнимательных путников. Всадники спешили, и ничто не могло их задержать, особенно одного из них.

Отделившись от других, всадник гнал коня во весь опор к замку и той, что ожидала его там. Еще мгновение и вот сквозь туманную пелену проступили очертания башен, а рука всадника инстинктивно сжала поводья, будто ощутив незримую нить, что со временем не только не ослабла, но и натянулась до предела. Он не видел огней в окнах, но чувствовал ее зов где-то в глубине сознания, подобно тетиве лука, что вибрировала в такт стуку копыт. В нем уже не осталось места ни для усталости, ни для осторожности; камень замка отзывался на его приближение глухим гулом, и только он один слышал его. А в это время тени у подножия стремительно сгущались, словно раскрывали объятия своему господину.

Облетая свои владения, сова заметила привычную картину: одинокий силуэт в свете свечей, обрамленный оконной

рамой, там, где редко зажигались огни. Она хорошо помнила это окно и комнату, наполненную жизнью, голосами и теплом, когда-то в нем часто горел свет, и двое наслаждались мелодией ночи. Теперь же сова все чаще замечала одинокую фигуру на фоне пустой и холодной комнаты и направленный вдаль взгляд, полный надежды. Замерев на миг в воздухе, она беззвучно прокричала в ночь, и в ее птичьем сердце, верном ритмам этого леса, шевельнулось смутное понимание: скоро в старую мелодию ночи наконец вернется недостающий голос, и в мире снова воцарится правильный порядок вещей.

Едва миновав ворота, всадник замедлился и почти на ходу спрыгнул с коня, устремившись внутрь. Время все так же беспощадно гнало его вперед.

Он едва успел смыть с себя дорожную пыль и перекусить. Война собственнически отбирала не только силы, но и время, приучая к военному быту. Горькая мысль, что многие уже начали считать своим домом ад, именуемый полем боя, навязчиво крутилась в голове. *«Будто отец не мог пленить кого-то другого? Зачем ему понадобилась именно дочь ли-ча?»* – в сотый раз задавался он одним и тем же вопросом. Норкейн... Его бессмертие и жажда крови были легендарны; подобной жестокости не знали даже демоны. Против его мертвой армии не было надежной защиты, ведь нельзя убить тех, кто уже мертв.

Габриэль стоял у окна, вглядываясь в ночь, но видел не

звезды, а поля сражений, залитые багровым светом. Война не отпускала его даже здесь, в стенах родного замка, потому он и не сразу услышал тихий голос, окликнувший его у порога.

– Ваше Высочество, Его Величество приказал, как только вернетесь, явиться в его покои.

– Тамми, я же просил, когда мы одни, звать меня по имени. И никаких «*Высочество*» и «*господин*». Пожалуйста.

– Простите, госпо... Габриэль.

– Так-то лучше. И что мне с тобой делать?

Габриэль потрепал непослушные огненные кудри своей служанки. Тамми покраснела, отчего ее веснушки звездной россыпью засияли на щеках и немного вздернутом аккуратном носике. Он улыбнулся. Она была одной из немногих, с кем он мог улыбаться. Тепло и искренне.

– Интересно, что ему от меня нужно?

– Говорят, в замок приходил Шаман.

– Шаман? – Габриэль задумчиво любовался бледной красотой луны и блеском ярких звезд. Такими мимолетными и умиротворяющими. Тамми молча наблюдала за его расслабленной фигурой, вспоминая спокойные дни, проведенные с ее принцем до начала войны. – Пора идти, – в его голосе промелькнула грусть.

– Я подожду тебя здесь.

Обернувшись у порога, он вновь улыбнулся и вышел. Прислонившись спиной к двери, Габриэль сделал несколько глубоких вдохов. Ему отчаянно хотелось вернуться, но

незримые цепи долга сына и война властно тянули его прочь от покоев. Выпрямившись, он заставил себя сделать первый шаг вглубь мрачного, холодного коридора, тускло освещенного трепещущими факелами.

Он не знал, что в это же время, в зеркальном отражении его собственной тоски, застыла Тамми. Сжав в кулачках складки юбки и закрыв глаза, она отчаянно боролась с собой. Ее душа рвалась вслед за ним, готовая в любой миг распахнуть дверь и броситься в темноту коридоров. Ей до боли хотелось обнять его, прижаться, вдохнуть его запах и рассказать о всех бессонных ночах, мучительным ядом страха. За этот год страх стал ее личным демоном, от которого не скрыться. Он отравлял все: мысли, сон, даже самую возможность просто жить. И единственным ее спасением, живым щитом против этой тьмы, был он: его взгляд, его голос, его улыбка. Все то, что сейчас удалялось от нее в зыбкой тени факелов.

Тамми ненавидела войну. Именно она породила тот страх, что поселился в ней, явившись вместе с вестью о первом павшем воине, впитавшись в душу со слезами вдов и матерей. Она боялась. Боялась до предательской дробы в коленях, до горьких слез, что терялись в общем холоде отчаяния. Ее пугала пустота застывших глаз, холодная тишина в ответ на вопрос, и сама мысль о жизни без него. С его уходом время замирало, погружая ее в пучину страха, но стоило лишь увидеть Габриэля, услышать его голос, ощутить живое тепло его

рук и к ней возвращался свет. Неважно, на день или на мгновение, главное он был жив, а значит, страх отступал.

Но едва он вновь покидал замок, все возвращалось. Порой ей казалось, что его краткие визиты не более чем жестокая шутка Драконов, иллюзия, рожденная ее собственным отчаянием. *«Почему именно он должен рисковать жизнью? Войну развязал король, так почему бы ему самому не встать во главе армии? Пусть сам смотрит на реки крови и слышит предсмертные хрипы! Это несправедливо, что он пирует в безопасности, пока люди гибнут, а Габриэль рискует жизнью!»*

Отойдя от двери, Тамми подошла к окну. Страх уже протягивал к ней свои ледяные лапы, а время вновь замедлялось в мучительном ожидании. Обхватив себя руками, она замерла, оставшись наедине с ужасом. Она вновь должна ждать своего принца, зная, что лишь он один сумеет унять дрожь в ее сердце и прогнать непрощенные слезы.

Габриэль неспешно шел по коридорам, не глядя под ноги. Каждый камень этого замка был знаком ему до последней трещинки. Пять шагов направо, двадцать прямо и налево... Мысли же его упрямо бежали назад, в покои, где осталась Тамми. Ему хотелось погрузить пальцы в ее огненные кудри, увидеть, как под его взглядом вспыхивают ее щеки, а небесно-голубые глаза пытаются спрятаться под густыми ресницами. Но вот цель достигнута. Остановившись перед тяжелой дубовой дверью, он привычно надел ледяную маску принца

и, коротко постучав, вошел.

Ночной мрак был единственным полноправным гостем в покоях короля. Лишь одинокий огонь в камине, с трудом отвоевывавший у тьмы клочок пространства, мерцал, будто это его последнее дыхание. На самой грани этого крупкого света, подобные двум безмолвным стражам, стояли кресла.

– Долго! – прозвучавший в полумраке голос эхом отразился от стен, мгновенно заполнив комнату. Властный, стальной, способный заставить не просто пасть на колени, а молить о пощаде. Голос короля. Его отца.

– Я пришел, как только смог, – ответил Габриэль, и о том холоде, что сквозил в его словах, северный ветер мог лишь тоскливо мечтать.

– Сядь. – Король указал на кресло напротив. Его худая, почти костлявая рука двинулась резким, отрывистым жестом, и на мгновение показалось, что в кресле восседает не правитель, а сама Смерть, внезапно почтившая замок своим визитом.

Габриэль медленно прошел к креслу и остановился, ощущая на спине ледяной укол отцовского взгляда, сулившего самую мучительную смерть из всех возможных. Ему доставляло особое удовольствие это безмолвное противостояние, доводившее короля до бешенства. Он видел, как побелело лицо отца, как вздулись вены на его шее, готовые лопнуть, а пальцы впились в подлокотники, оставляя глубокие борозды, будто когти хищника. Любого другого за такую дерзость

сразу же казнили, но только не его, наследника. Усмехнувшись, Габриэль наконец развернулся и сел.

Король криво улыбнулся, и скрип его зубов прозвучал подобно скрежету когтей по стеклу.

– Согласно последним сведениям, это «бессмертное» чудовище не так уж неуязвимо. Выезжаешь на рассвете с несколькими воинами. Больше не дам. Сам понимаешь. Опасно оставлять замок без защиты, – он довольно оскалился, оставалось только демонам выстроиться в очередь, чтобы поучиться у него злорадству. Габриэль молчал, не отводя холодного взгляда. Он все понял, едва услышав о Шамане. Король достиг цели. Пришло время.

– Отправишься в северо-западные земли...

Лич (англ. *lich* или *lych*, или нем. *leiche* — «труп»; ['litʃ]) – маг-некромант, ставший высшей нежитью, по одной версии – после смерти, по другой – вместо смерти.

Глава 2

На рассвете Габриэль должен был покинуть замок и оставить Тамми, а ведь только вернулся. Задержавшись на мгновение у дверей в свои покои, он решительно открыл их и вошел внутрь. До восхода солнца еще было время, а значит, он мог немного побыть с Тамми.

Свечи давно погасли, и его спальня находилась во власти ночи, нарушаемой лишь светом луны, когда тяжелые портьеры, не справлявшиеся с напором игривого ветерка, дразнили робкий лучик, позволяя озарить мягким светом комнату, а после вновь погружая ее в тайны мрака. Пройдя к кровати, Габриэль улыбнулся. На покрывале, закутавшись в его плащ и тихонько посапывая, спала Тамми. В лунном свете ее кожа мягко светилась призрачным сиянием, казалось, коснись ее – и она растает, подобно утренней дымке тумана. Габриэль провел рукой по рыжим волосам, наслаждаясь их гладкостью и шелковистостью. Позволив нескольким локонам мягко проскользнуть сквозь пальцы, он наклонился и нежно провел рукой по ее щеке. Воспользовавшись тем, что Тамми спит, невесомым поцелуем коснулся ее приоткрытых губ.

– Если бы только я мог остановить время и запечатать его во льдах, – последний взгляд, едва слышный скрип кровати и тихий звук закрывающейся двери возвестили о нежеланном

восходе солнца.

Власть ночи медленно растворялась, и в спальню ворвались первые нахальные солнечные зайчики. Милые и незваные посланники рассвета. Несколько особо игривых сразу устремились к кровати и, легко скользнув по покрывалу, спрятались среди подушек. С любопытством поглядывая на спящую девушку, зайчики решали важный для них вопрос: не спяют ли их огненные волны? И вот самый смелый зайчик незаметно подкрался к волосам девушки. Он боялся, но, подбадриваемый собратьями, в один прыжок исчез в рыжем море. Переживая за него, зайчики вышли из укрытий, со страхом наблюдая за малейшим движением волн. И вот они уже весело скачут, заметив прыгающего в волосах девушки храбреца. Исчезая и внезапно появляясь, герой не заметил, как соскользнул спящей красавице на глаз. Дрогнувшие ресницы, тихий стон, копошение под тканью плаща – и зайчики разбежались по комнате.

Тамми окинула покои сонным взглядом и, проведя рукой по щеке, слегка коснулась губ.

– Сон? – тихо произнесла девушка немного хриплым ото сна шепотом.

Встав с кровати, она направилась к окну. Несмотря на яркие лучи солнца, земля еще была в объятиях исчезающего тумана. Ветер донес до нее ржание лошадей, что топтались внизу в окружении нескольких человек. Тамми сразу узнала среди них Габриэля.

Он снова уезжал, оставляя ее одну. Тамми даже не заметила, как по щекам потекли слезы. Подняв голову, Габриэль улыбнулся и помахал ей. Быстро смахнув предательские слезы рукавом рубашки, она улыбнулась и помахала в ответ. Игривый взгляд, воздушный поцелуй – и вот уже щеки Тамми пылают ярче ее волос. Закончив приготовления, Габриэль и трое сопровождавших его воинов, сев на лошадей, выехали за ворота. Она стояла у окна, пока они не исчезли в лучах восходящего солнца.

Песни птиц, поющих о новом рассвете и новом дне, просыпающийся замок, вторящий им гомон голосов, звон посуды и девушка, замороженно смотрящая на исчезающий туман. Все было таким знакомым и далеким одновременно, что Тамми и не заметила, как проснулся ее собственный туман, сотканный из прошлого, настоящего и будущего.

Он медленно обволакивал и манил за собой, но не к горизонту и скрытым далям, куда направился ее принц. Туман вел ее все дальше, устремляясь в прошлое, которое хотелось забыть и в то же время помнить вечно. Тусклые картины и неясные образы постепенно обретали краски и контуры, пока окончательно не ожили.

* * *

В такое же осеннее утро, что медленно прокрадывалось сквозь туман. Вгрызающийся в детскую плоть холодный металл. Бессонная ночь, наполненная детскими слезами. Растворившиеся в безмолвии леса мольбы о помощи. Одино-

кая и никому не нужная, дрожа от холода, девочка медленно теряла надежду. Мокрая и отяжелевшая от ночного дождя ткань неприятно липла к детскому телу. В кругу деревьев и тумана она чувствовала чей-то взгляд, дыхание, ощущая присутствие кого-то или чего-то. Вздрогнув от холодного прикосновения, девочка испуганно подпрыгнула и тут же упала на землю, скуля от боли. Как только боль стихла, она осторожно осмотрелась вокруг.

Она была одна в огромном лесу, и только мрачная тень мелькала среди деревьев. Девочка сразу узнала ее. Черный балахон с глубоким капюшоном и висящая на поясе старинная книга, оплетенная цепью. Она пришла, чтобы забрать ее, но девочка не хотела умирать. Ведь она столько всего не увидела, не узнала и не сделала. Девочка понимала, что Смерть не забирает тех, кто дышит, а значит, пока она дышит – она живет.

Иногда Смерть смотрела в свою книгу, выжидая, словно паук, поджидающий жертву. Нетрудно было догадаться, что в ней написано. Осознав, что ей не спастись, она перестала бороться. Почувствовав, как жизнь медленно покидает ее с каждым выдохом, девочка ожидала неумолимо приближающегося конца. Все глубже и глубже погружаясь в пучины отчаяния, она не заметила промчавшегося невдалеке шанса на жизнь. Призрачного, хрупкого, размытого, но такого реального.

В звуках стихающего дождя, кромсая нежное полотно ту-

мана на куски, по лесу неслась карета. Бьющие по крыше редкие капли дождя навевали мотивы давно забытой песни. Мимо проносился скучный серый пейзаж, среди которого вспыхнул яркий огонек. Громкий приказ, разорвавший тишину, и карета резко остановилась. Распахнув дверь, мальчик выскочил и, невзирая на грозный крик отца и дождь, не оглядываясь убежал вглубь леса. Внезапно остановившись и опершись руками о колени, он пытался отдышаться и успокоить рвущееся на свободу сердце. Уронив на землю последние капли слез, дождь стих.

Взору Смерти открылась необычная картина. На мокрой и сырой земле сидела маленькая напуганная девочка. Капкан надежно удерживал ее в своем плену. На вид ей было лет шесть-семь, и ее легко можно было спутать с призраком. Слишком бледная, худая и в ужасно грязных рваных лохмотьях, она почти сливалась с серостью туманного леса. Если бы не ее рыжие волосы, пылающие живым огнем, и голубые глаза, яркие, манящие, – их цвету позавидовали бы сами небеса. Промокшая, дрожащая, словно осенний лист на ветру, но такая милая и живая.

А напротив нее, подобно воину на поле боя, стоял девятилетний мальчик. Полная ее противоположность, ведь он не сливался с лесом и не был призраком. Гордый, сильный и прекрасный, а еще такой холодный внешне, но пылающий адским пламенем в душе, словно он был соткан из самой тьмы. Темная одежда, черные волосы, подхваченные

сзади тонкой лентой, и колдовские глаза, обрамленные выбившимися из прически локонами. Изумрудно-зеленые глаза, смотрящие в душу, видели абсолютно все: страх и желание, ложь и правду, жизнь и смерть.

Давно уже никто не мог заинтересовать Смерть так, как этот мальчик. Она не видела его даты смерти, даже в книге о нем не было ни слова. И эти глаза... Он смотрел на нее глазами хищника, не желающего делиться своей добычей. Но ведь Смерть можно увидеть только с последним вздохом. «Тогда почему он смотрит на меня? Кто он?» В его глазах было что-то неуловимо знакомое, что-то давно позабытое. В попытке разгадать тайны зеленоглазого мальчика Смерть не заметила, как ее книга взлетела, и даже не услышала звона цепей, когда та раскрылась прямо перед ней.

«История не будет больше прежней,

И время свой изменит ход.

Услышана была мольба девчонки,

И с чистого листа она летопись начнет»

Задержав палец на последнем слове, Смерть посмотрела на девочку, а затем перевела взгляд на мальчика. «Неужели... Но как этот мальчик смог изменить судьбу этого ребенка?»

У этой девчонки не было ни единого шанса на жизнь». Еще раз прочитав новую запись в своей книге, Смерть захлопнула ее и, развернувшись, ушла в глубины леса, растворившись в дымке тумана.

Мальчик окинул взглядом сидящую перед ним девочку, задержав свой взгляд на ее ноге, застрявшей в капкане. Окинув взглядом землю и найдя подходящую палку, он поднял ее и медленно направился к девочке. Увидев приближающегося к ней мальчика с палкой, она в страхе закрыла глаза и накрыла голову руками.

– Прошу, не бейте меня, – от слез и холода ее голос охрип.

Мальчик замер в паре шагов от нее. Переведя взгляд с девочки на палку, он опустил ее на землю и, медленно подойдя к ней, присел рядом, осторожно коснувшись ее плеча рукой. Вздвогнув от прикосновения, девочка сильнее сжалась и заплакала.

– Я не причиню тебе боль, – мальчик старался говорить тихо и мягко.

Поглаживая девочку по руке, он придвинулся ближе и обнял ее за плечи. Все еще дрожа, она подняла голову и обратила взгляд своих небесно-голубых глаз навстречу колдовским глазам мальчика. Не отводя взгляда, он потянулся к палке. Переместив руку, мальчик начал легонько поглаживать девочку по спине.

– Все хорошо. Тебя никто не обидит, – почувствовав, что девочка начала успокаиваться, он осторожно просунул пал-

ку в капкан. Резко встав, он надавил на палку и открыл железную ловушку. – Вытаскивай ногу. – Пусть она и была напугана, но послушно выполнила, что было велено.

Опустившись на колени рядом с девочкой, мальчик укутал ее в свой плащ. В то время как она отвлеклась на золотую вышивку, украшавшую плащ, он быстро и осторожно осмотрел ее ногу.

– К счастью, кость не сломана, но раны довольно глубокие, нужно будет показать тебя Шаману, – раздевшись, мальчик разорвал свою рубашку на несколько полосок ткани и забинтовал ногу девочки. – Меня зовут Габриэль. А тебя?

– Тамми, – девочка удивленно смотрела на Габриэля и свою забинтованную ногу.

– Как ты попала в капкан? И что ты делаешь в лесу одна?

– Я убежала от других детей и в темноте не заметила его, – Тамми опустила глаза и обхватила себя руками. Ее голос дрожал, а по щекам текли слезы. – Они бросали в меня камни и били палками, а еще называли ведьминым отродьем и говорили, что я приношу только беды.

– Это из-за твоих рыжих волос? – Габриэль ласково провел рукой по волосам девочки.

– Мама говорит, что я сама виновата и всем было бы лучше, если бы я никогда не родилась, – неожиданно Тамми почувствовала, как ее обняли. Габриэль был теплым, и она, сама того не заметив, доверчиво прижалась к нему.

– Ты ни в чем не виновата, – подняв голову, Тамми по-

смотрела на него заплаканными глазами. Вытерев слезы с ее щек, он улыбнулся. Встав, Габриэль помог подняться Тамми и, перекинув ее руку через свое плечо, не спеша пошел в ту сторону, откуда пришел. – Теперь ты будешь жить со мной, и больше никто не будет плохо говорить о тебе или бить тебя.

С каждым их шагом туман стремительно сгущался, желая захватить не только двух детей, но и весь мир в свой плен. Медленно лес исчезал в его объятиях, а через мгновение исчезла и земля под ногами.

– Мы никогда не выйдем из этого леса, – с глаз Тамми начали срываться первые слезы.

– Не волнуйся, я обязательно выведу нас отсюда. Доверься мне, – Габриэль сильнее обнял ее и оглянулся вокруг.

Он редко улыбался, но рядом с этой девочкой ему хотелось делать это постоянно. Габриэль смотрел на Тамми и пытался понять, что же в ней такого особенного? Может, ее белоснежная кожа, напоминающая о зимних днях и тайных снежных забавах? Или это ее рыжие волосы, подобные трепещущему на ветру пламени? А может, завораживающая голубизна глаз, зовущая в полет, подобно птицам? Габриэль не знал, и вряд ли кто-то ответил бы ему.

– Нужно идти дальше. Невдалеке от этого леса находится небольшая деревушка. Давай для начала доберемся до нее. Как ты, справишься?

– Все хорошо, я могу идти дальше, – Тамми попыталась улыбнуться.

Вздохнув, Габриэль повернулся к ней спиной и опустился на колено.

– Забирайся.

– Я, правда, могу идти сама. Тебе... Ты... Вы и так очень много сделали для такой, как я, – Тамми опустила глаза.

Она испытывала смешанные чувства. Ей определенно нравился Габриэль, хоть она и знала его совсем немного, но в то же время ей было ужасно стыдно, что сын богатого господина так заботится о такой, как она. А еще Тамми боялась, что все это сон и, проснувшись, она снова окажется одна в лесу с застрявшей в капкане ногой и Смертью, мелькавшей среди деревьев, или что отец Габриэля рассердится на сына из-за его поступка. Тамми привыкла к плохому отношению и побоям, но она не хотела, чтобы по ее вине страдали другие, особенно Габриэль, ведь он так добр к ней.

Она не могла объяснить, почему доверилась этому богатому мальчику. Почему верит его словам? Тамми могла найти сотни причин и столько же объяснений своему доверию. Ведь до сих пор она была никому не нужна, даже родной матери. В своей короткой жизни Тамми не знала ни ласки, ни тепла, ни любви, ни доброты. Также она могла бы назвать это обычным чувством благодарности за все то, что Габриэль для нее сделал. Ведь благодарность так легко спутать с доверием. Но все было не тем, словно что-то особенное и важное юркой рыбкой ускользало от нее.

– А я думал, мы перешли на «ты»? – Габриэль не сводил

взгляда с Тамми, но та молчала. Покачав головой, он сделал шаг вперед и положил руки на плечи девочки. – Ты боишься меня? – Тамми отрицательно покачала головой и посмотрела на Габриэля взглядом, полным доверия. – Тогда обращайся ко мне по имени. Хорошо? – он вновь улыбнулся.

– Хорошо, – шепот Тамми был похож на шелест осенних листьев.

– С этим разобрались, – Габриэль явно был доволен. Повернувшись к Тамми спиной, он вновь опустился на колено. – А теперь забирайся. Возражения не принимаются.

Немного помедлив, Тамми все-таки забралась на спину Габриэля. Поднявшись, он осмотрелся по сторонам и ненадолго прикрыл глаза. Тамми молча любовалась своим спасителем, вдыхая хвойный запах его шелковистых волос. Впервые в жизни она чувствовала себя в безопасности. «Кто же ты такой, Габриэль? Ангел или демон¹?»

Тепло и размеренное дыхание Габриэля убаюкивали, и незаметно для себя Тамми заснула. Услышав тихое посапывание у самого уха, он усмехнулся и уверенно шагнул вперед, ведомый чувством, не подвластным обычным людям. Самые искусные хищники, охотники и даже убийцы не раздумывая продали бы свои души демонам или Драконам за способность так же бесшумно и уверенно передвигаться. Габриэль с легкостью переступал через корни деревьев, обходил камни и избегал капканов, уверенно возвращаясь к прежнему

¹ Ангел и демон – метафора. Красивый и добрый, злой и жестокий.

направлению, и даже внезапно возникающие в тумане деревья не являлись для него неожиданностью. Он ощущал их на уровне инстинкта.

Спрятавшаяся в кустах белка провожала размытые силуэты детей удивленным и одновременно задумчивым взглядом. Этот мальчик легко передвигается в столь густом тумане, и белка никак не могла понять, откуда у ребенка такие удивительные способности. Почему она, прыгая с ветки на ветку, промахнулась из-за тумана, в то время как этот странный ребенок ни разу не сменил своего направления движения? Не говоря о том, что ему удастся заранее избегать препятствий. Повезло еще, что куст смягчил падение, а то остались бы бельчата сиротками. Неужели ее подвели инстинкты? Тогда что же движет этим мальчишкой? Этого белка никак не могла понять. Встряхнув головой, она глубже спряталась в кусты, ожидая, когда рассеется туман и она сможет спокойно вернуться домой.

Усмехнувшись, Габриэль медленно и уверенно продолжал приближаться к цели: выйти из леса и дойти до деревни. Он чувствовал не только взгляд белки, но и преследующего их волка. Его никто не учил подобным вещам, он просто это умел. Возможно, эти способности передались ему от матери? Отец никогда не говорил о ней, лишь одно: *«Она умерла вскоре после родов»*. Ни имени, ни портрета, ничего, только отдаленным эхом среди слуг блуждали разные слухи о его матери и о нем. Одни говорили, что она ведьма, другие – что

демоница. Были и те, кто считал, что его мать – Дракайна². Но стоило слухам дойти до короля, как слуги стали безмолвнее ночи. Исчезли даже косые взгляды и вечный шепот за спиной, преследовавшие его все детство. Хотя его по-прежнему продолжали называть Ледяным принцем, тайком поговаривая, что у него осколок льда вместо сердца и холодные ветра завывают в душе. Но никто не знал, даже не догадывался, что это лишь маска. Разве способен ребенок носить ледяную маску, скрывая под ней себя настоящего? Никто и никогда не видел его истинного обличия. Особенно отец. Здесь даже слепой заметил бы, что их отношения слишком далеки от родственных. В них не было ни страха, ни любви, ни уважения, ни ненависти, разве что только Габриэлю нравилось доводить отца до бешенства, такого бесчувственного и идеального. Отец ненавидел эту странную битву между ними, а Габриэлю она доставляла удовольствие.

Увидь кто сейчас его в туманном лесу – пал бы от разрыва сердца. Жестокий хищный взгляд и зловещая усмешка даже демона довели бы до икоты, а бежавший вглубь леса волк готов был поклясться, что видел истинного демона во плоти, а то и хуже – Дракона.

Внезапно туман расступился, открыв теплым солнечным лучам двух детей: черноволосого демона и огненно-рыжего ангела. Остался позади спрятанный в пелене тумана лес, а впереди цветным ковром простиралась поляна. Вдохнув

² Дракайна (др.-греч. δράκαινα “драконица”) – дракон женского пола.

аромат осенних цветов и найдя взглядом тропинку, Габриэль продолжил путь.

– Я же говорил, что выведу нас из леса, – улыбнувшись, он оглянулся на мирно спящую у него за спиной девочку.

* * *

Как и в тот день, десять лет назад, туман вновь расступился и образы прошлого медленно растворились. Настоящее ворвалось в мир привычным гулом знакомых голосов и глухими шагами стражников за дверью.

Теплые лучи солнца тщетно пытались согреть и развеселить рыжего ангела. Но она не замечала их, как и того, что каменный подоконник обжигает ее ладони осенним холодом. И хотя силуэты всадников давно исчезли, Тамми не спешила уходить. Ведь это означало, что он снова далеко, а ей придется самой бороться с одиночеством и страхом.

Сдержав рвущиеся на волю слезы, Тамми тихо покинула покои Габриэля. Он снова в пути, а ее сердце болезненно сжимает капкан из детства, но она все равно будет ждать и верить, что однажды он вернется навсегда и больше никогда не покинет ее.